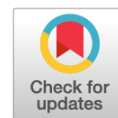

Парадоксы экономической теории в восприятии правосудия

Бочкарёв Сергей Александрович,

кандидат юридических наук, научный сотрудник

Института государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена экономическая теория на основных этапах своего становления в отношении к феномену правосудия. Реализуется вариант раскрытия темы через: а) дистанцирование от существующих и широко распространенных практик ее познания; б) использование опыта этих практик в качестве исходного и эмпирического материала для диагностирования точек соприкосновения и расхождения между экономическим и юридическим подходом к правосудию, существующих в экономико-правовой мысли тенденций и перекосов; в) извлечение искомого понимания того, что есть «экономика правосудия», через анализ и устранение проблем посвященного ей исследовательского процесса.

Следование отмеченному методологическому курсу позволило обнаружить, что правосудие в экономической теории находится в парадоксальном состоянии. И это состояние не случайно. Оно обусловлено, как выяснено, рядом обстоятельств. Прежде всего воздействием лежащих в основе экономического знания негативного опыта познания правосудия и организации его работы на практике. Затем влиянием возникших на ее почве стереотипов и предубеждений. Под весом совокупности этих факторов наука вывела правосудие из сферы своей компетенции и научно-практической разработки.

Вместе с тем в ходе исследования установлено, что выявленные в экономической идее противоречия составляют достояние, а их борьба обеспечивает ее генезис. Главное достижение науки заключается в том, что она, несмотря на свой негативный опыт, дала этот самый опыт. Его переосмысление и верификация в современном социально-экономическом контексте дает возможность убедиться в том, что правосудие может быть рассмотрено и должно рассматриваться в качестве экономического предприятия.

Ключевые слова: экономика, правосудие, экономика правосудия, экономическая теория, право, правоведение, юриспруденция, стоимость правосудия, валовый внутренний продукт, валовая сумма исковых требований, расходы, доходы.

Рассмотрение темы, посвященной экономике правосудия, на первый взгляд, не вызывает сложности и предусматривает применение к исследуемому объекту экономического инструментария. То есть распространение, как отмечают специалисты, «экономической теории на пространство права, которое до этого монополено было занято юристами» (Колесников, 2017, с. 4). Вместе с тем междисциплинарный характер поднятой проблематики лишает иллюзии простоты и очевидности в подходе к теме, поскольку предусматривает столкновение в умах исследователей двух сфер бытия и даже конфликт разных парадигм мировосприятия, диктует необходимость определения исходных точек опоры, с позиции которых будет обозреваться и изучаться «экономика правосудия». Как правило, авторы не замечают и не учитывают влияние на свои размышления обозначенного конфликта, не утруждают себя выбором «отправных точек». Производят сплошное и механическое наложение экономической терминологии на близкие к ней по смыслу явления правового порядка. Например, преступление называют способом

извлечения выгоды, а наказание — ценой, назначаемой законом за использование этого средства удовлетворения потребностей. По аналогии с обособлением экономик отдельных видов производств выделяют экономику отдельных видов преступной деятельности. Подходят, как видно, во многом линейно. Либо с позиции «святости» права ропщут о недопустимости экономии на правосудии, либо с экономической позиции указывают на расточительность правоохранительной системы.

Здесь не предлагается пройти по одному из названных путей. Реализуется вариант раскрытия темы через: а) дистанцирование от существующих и широко распространенных практик ее познания; б) использование опыта этих практик в качестве исходного и эмпирического материала для взгляда на тему со стороны и с междисциплинарной высоты; в) диагностирование точек соприкосновения и расхождения между экономическим и юридическим подходом к правосудию, существующих в экономико-правовой мысли тенденций и перекосов; г) извлечение искомого понимания того, что

есть «экономика правосудия», через анализ и устранение проблем посвященного ей исследовательского процесса. Следование этому методологическому курсу обнаруживает, что:

1) Рассматриваемая тема практически не разработана. В зарубежных и российских источниках имеется незначительное число работ, посвященных выявлению экономической составляющей в правосудии и роли правосудия в экономике. В большинстве известных случаев выбор способа соизмерения экономики и правосудия часто не обусловлен спецификой изучаемых объектов, их совместимости. Соискатели находятся под влиянием действующих в их сознании стереотипов о рассматриваемом явлении либо заранее принятых на вооружение интересов, предопределяющих исход соответствующего изыскания. Специалисты редко следуют примеру А. Смита, еще в XVIII в. показавшего эталон подхода к познанию проблем междисциплинарного уровня. В результате синхронного рассмотрения поведения человека с позиции моралистов, юристов и экономистов мыслитель отыскал универсальные правила социального бытия в законах справедливости, отличающихся от других добродетелей строгостью и точностью. При этом экономический критерий он исключил из их числа, поскольку на его основе невозможно установить и разрешить вопросы долженствования в поведении индивида как относительно себя самого, так и прочих людей (Смит, 1997, с. 320). Этот индикатор отличается высокой подвижностью и неустойчивостью из-за превалирования в нем принципа выгоды над обязательностью.

2) История правовой мысли не знает ни одного мыслителя, который бы поставил под сомнение значение для человеческого общества института правосудия. Даже Л.Н. Толстой, как яркий и бескомпромиссный антагонист государства, приравнивавший его ко злу и усердно отрицавший пользу правоохранительной деятельности для социума, в сущностном плане не исключал правосудие из жизни человечества. Он был не согласен с мнением о насилии как главном условии благополучного сожительства людей, относил такого рода убеждения к навязанным государством лжеучениям и отмечал, что «все эти суды, полиция, войска больше всего другого мешают дружной и согласной жизни людей». «Люди, возлагая свои надежды на все эти устройства, — утверждал писатель, — уж не заботятся о том, чтобы своими силами установить мирную жизнь между собою». Считал, что «в прежние времена пытки, инквизиции, рабство, в наше время суды, тюрьмы, казни, войны, от которых гибнут миллионы», основаны на заблуждении о допустимости «совершать насилие над одним человеком

во имя блага многих». Из-за множества огрехов светского судопроизводства и его отдаленности от истинных целей христианства, мыслитель являлся последователем идеи «непротивления злу насилием» и выступал сторонником нравственного суда. Предлагал «заботиться о суде своей совести, а не о суде людском» (Толстой, 1910, с. 29, 37, 89).

3) Не менее важное наблюдение состоит в том, что уверенность в высоком статусе правосудия и его глубокой укорененности в природе социума доказывается главным образом естественно-правовым путем. Выводы о невозможности бытия цивилизованного общества без правосудия в большинстве научных работ базируются преимущественно на идеалистических постулатах. Для оправдания существования и отправления правосудия, его встраивания в философские (универсальные) системы мироустройства мыслителям зачастую хватает знания о положительном назначении этого института — его служении общественному благу. Вспомним слова Ф.М. Достоевского, называвшего суды школой для общества и народа, где они учатся правде и нравственности. Или слова П.А. Гольбаха, увидевшего в правосудии основание всех общественных добродетелей. Философ утверждал, что «во всех обществах судьи образуют сословие граждан, деятельность которых настолько полезна, что их необходимо выделить из общей среды». Судьи при любой форме правления обязаны «осуществлять правосудие над их согражданами, следить за соблюдением законов — одним словом, поддерживать порядок и спокойствие» (Гольбах, 1963, с. 276).

Использование аксиологической аргументации для определения статуса правосудия объяснимо его призванием укреплять духовные законы социального бытия. Как отмечал Ф.М. Достоевский, «в суде первое дело, первый принцип дела состоит в том, чтобы зло было определено по возможности, по возможности указано и названо злом всенародно. А там, потом, смягчение участи преступника, забота об исправлении его и т.д. и т.д., — это все уже другие вопросы, весьма глубокие, огромные, но совершенно различные от дела судебного, а относящиеся совсем к другим отделам жизни общества...» (Достоевский, 2010, с. 26-27).

4) Этико-правовой взгляд на правосудие, нужно отметить, принадлежит не только мыслителям-гуманитариям. Он не является исключительно их прерогативой. Схожую аргументацию используют экономисты. Тот же А. Смит высоко высказывался о правосудии. Говорил о том, что народы, «не имея судей для разбирательства распрей, возникающих между ними, нередко вынуждены бывают жить в постоянном страхе и беспокойстве» (Смит, 1997, с. 320).

По убеждению экономиста, суды уполномочены прибегать «к власти, переданной им правительством, чтобы поддержать справедливость. В противном случае общество было бы ареной убийств и беспорядков, и каждый человек прибежал бы к личной мести за нанесенные ему, по его мнению, обиды. Для предупреждения беспорядков, которые бы возникали, если бы каждый человек вздумал лично вершить правосудие относительно самого себя, суды во всех сколько-нибудь сложившихся государствах стараются воздавать справедливость всем людям, выслушивать и обсуждать жалобы на все обиды» (Там же, с. 328).

Даже Дж.С. Милль, прямой противник принципов абстрактного права и последователь пользы как верховного судьи над всеми этическими вопросами, отдавал должное вопросам юридической ответственности индивида «или прямо перед теми, чьи интересы затронуты, или же перед обществом, как их охранителем». «Делать человека ответственным за то, что он причинил зло, — это есть общее правило...». Оно, по убеждению ученого, составляет «пользу в обширном смысле, ту пользу, которая имеет своим основанием постоянные интересы, присущие человеку, как существу прогрессивному». «Если кто-либо совершит поступок, вредный для других, то *a prima facie* подлежит или легальной каре, или же общественному осуждению, если легальная кара в данном случае неудобоприменима», — дополнял мыслитель.

Но когда юридические механизмы не срабатывают и препятствуют тому, чтобы подвергнуть индивидуума ответственности за сделанное им зло, то в таких случаях на службу встает совесть. «Собственная совесть самого индивидуума, — писал Дж.С. Милль, — должна заступать место отсутствующего судьи и охранять те интересы, которые таким образом лишены внешней охраны, и индивидуум должен быть сам для себя в таких случаях тем более строгим судьей, что совершенно свободен от всякого другого суда». Если же он не делает «вреда другим людям, то люди не имеют основания вмешиваться в то, что я делаю, как бы мои действия не казались им глупыми, предосудительными, безрассудными». Здесь ему принадлежит «свобода выбора и преследования той или другой цели, свобода устраивать свою жизнь сообразно со своим личным характером, по своему личному усмотрению, к каким бы это ни вело последствиям для меня лично» (Mill, 1864, p. 23-24).

5) Несмотря на продемонстрированную последовательность и несложность аргументации хозяйственников, ее преимущество юридической мысли, следует признать и отметить, что в экономической литературе исторически все же сложилось неординарное

отношение к правосудию. Ощущается присутствие дихотомии.

5.1) Когда экономисты выступают с позиции моралистов, они почти безапелляционно выделяют правосудие среди прочих факторов, влияющих на успешность материального благополучия общества. Ставят в прямую и плотную зависимость качество экономики от качества организованного и отправляемого в обществе правосудия. На основе доказательств из истории различных стран поднимают правосудие на уровень макропоказателя, определяющего экономическое развитие. По уровню приводимой аргументации можно оценить и смело сказать, что они выставляют правосудие в качестве ключевой производительной силы. К примеру, при выяснении причин упадочного положения экономик Испании и Португалии ученые отмечали, что на их состояние влияет несоответствие вывозных пошлин и сужение внутреннего рынка. Но «больше всего, — писали они, — то беспорядочное и пристрастное отправление правосудия, которое часто ограждает богатого и могущественного должника от преследования его потерпевшим кредитором и внушает трудолюбивой части населения неохоту изготовлять продукты для потребления тех высокомерных и могущественных людей, которым они не осмеливаются отказать в продаже в кредит и от которых они не уверены получить уплаты долга».

Проблемами с правосудием историки экономики объяснили положение дел в Китае. По их наблюдению эта страна не приобрела тот максимум богатств, который совместим с характером ее законов и учреждений, ценных свойств почвы, выгодностью географического расположения и благоприятностью климатических условий. Специалисты отмечали, что в «стране, где богатые люди и обладатели крупных капиталов пользуются почти полной неприкосновенностью, а бедняки или обладатели мелких капиталов совсем ею не пользуются, но в любое время подвергаются, под предлогом отправления правосудия, грабежам со стороны низших мандаринов, — в такой стране количество капитала, вложенного во все различные отрасли ее торговли и промышленности, никогда не может достичь тех размеров, которые допускаются характером и объемом последних». Парализовать вредные последствия для экономики Англии удалось за счет свободы торговли и вывоза почти всех видов товаров, являющихся продуктом отечественной промышленности, свободы перевозки их из любой части страны без каких-либо обязательств перед бюрократией. Но, отмечали экономисты, «наибольшее значение имеет то справедливое и беспристрастное отправление правосудия, которое делает права самого

скромного британского подданного неприкосновенными для самых могущественных людей и которое, обеспечивая каждому плоды его труда, служит величайшим и наиболее действенным поощрением всех видов промышленности». В этом же ключе подчеркивали успех экономик Шотландии, Ирландии или хлебных провинций Северной Америки, где строгое отправление правосудия обеспечивало более регулярное поступление доходов.

В связи с позиционированием правосудия в качестве ведущей хозяйственной силы и его закономерным положением в этом статусе, специалисты напоминают об экономических предпосылках, приведших к формированию и развитию института правосудия. В частности, указывают, что на заре цивилизации монарх представлял собой крупнейшего землевладельца и по этому признаку почти ничем не отличался от других крупных землевладельцев, оказывавших ему известное уважение. С целью совместной защиты накопленной собственности они объединялись, а правитель передавал функции по отправлению правосудия в соответствующей части страны тем из них, кто был в состоянии справиться с этим делом. Командуя, в итоге, большим количеством людей, чем кто-либо мог себе позволить, монарх обрел способность к управлению и принуждению. За счет этих качеств он стал лицом, к которому начали обращаться слабые за защитой от насилия и покровительством. Таким образом, умозаключают экономисты, именно происхождение и богатство предоставили человеку своего рода судебную власть.

Более того, обращают внимание на то, что судебная власть для государя была причиной не только расходов, но и долгое время являлась источником дохода. Лица, взывавшие к его правосудию, были согласны платить за него. Подарок сопровождал прошение. Затем было установлено, что сверх удовлетворения потерпевшей стороны виновник принуждался к уплате пени государю за доставленное беспокойство и беспорядок (Turgell, 1770).

5.2) Когда экономисты выступают в своейственной себе роли и повествуют с сугубо отраслевой позиции, они заметно ротируют местоположение правосудия в системе социально-экономических координат. Оно резко переходит у них из доминирующего и определяющего фактора экономики во второстепенный, из главенствующего положения в сопутствующее, из стимулирующего и благоприятствующего элемента в затратный, из социально-экономического института в сугубо юридический. «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита служит одним из показательных примеров. Проблемы правосудия

не затрагивались автором в первых четырех книгах этого произведения, посвященных причинам увеличения производительности труда и порядку распределения продукта среди различных классов народа, а также вопросам природы капитала, его накопления и применения, развития благосостояния у разных народов и системы политической экономики. Тема правосудия затрагивается в последней — пятой — книге. Здесь она отнесена к государству и к прямым заботам правителя. Рассмотрена с позиции расходов государя. На основании идеи естественной свободы утверждается, что государь должен выполнять следующие обязанности: «ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить хорошее отправление правосудия». То есть правосудие отвязано от экономики, а его смысл растворен в общечеловеческом значении. Роль сведена к исправлению «многих вредных последствий безумия и несправедливости человека», а необходимость в нем оправдана сравнением с организмом человека, где также имеются механизмы по «исправлению последствий его неосторожности и невыдержанности» (Smith, 1904, p. 172). Оно воспринимается как средство ограждения других людей от вредных действий нарушителя их свободы.

При этом среди расходов правосудию отведено далеко не передовое значение. Оно разделяет второе-третье место. Классики экономической теории предписывают, что первоначально государю надлежит тратить средства на оборону, то есть защиту общества от насилия и посягательства со стороны других независимых обществ. Затем на организацию защиты от внутреннего насилия. В третью очередь экономисты предписывают государю «создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу».

В «Основаниях политической экономии» Дж.С. Милля расходы на «весь организм наказывающей власти уголовного и отчасти гражданского правосудия» названы обременением национальной промышленности. По объему растраты богатства они поставлены во второй ряд, сразу после ущерба, наносимого обществу «человеческой нечестью» (Mill, 1878, p. 68), то есть хищническим населением, живущим грабежом или обманом. Труд юристов необходимо произведен от нечестности последних и преимущественно ею поддерживается. Весь труд,

расходуемый на надзор за преступниками, экономист предложил считать «трудом, отвращенным от действительного занятия производством на вспомогательное отправление, вытекающее не из необходимости вещей, а из нечестности людей». «Все эти издержки уменьшаются пропорционально возвышению честности в обществе» (Ibid., p. 68).

Правосудие, таким образом, отождествлено экономистами с непроизводственным и даже бесплодным классом, так как оно, как считается, не увеличивает стоимость предмета и не делает продукт. Наряду с купцами, ремесленниками и мануфактуристами в него включены судебные чиновники, офицеры, вся армия и флот. Расход на их содержание, каким бы уважаемым это сословие не было, не возмещается и не возвращается. Стоимость труда непроизводственного класса, как правило, не закрепляется и не реализуется в каком-либо товаре, пригодном для продажи. Его услуги обычно исчезают в момент оказания их и редко оставляют после себя какую-либо стоимость, за которую впоследствии можно было бы получить равное количество услуг. В интересах этого сегмента не ущемлять и не угнетать производительный класс, поскольку его занятия образуют тот излишек, на который содержится правосудие. Траты на него осуществляются из остатка, образующегося после вычета из продукта, идущего на содержание основных производительных сил. Иными словами, правосудие выставлено в экономической науке в качестве содержанки. По законам экономики расход годового продукта первоначально осуществляется на возмещение капитала. Он никогда не должен обращаться на содержание непроизводительных работников раньше, чем приведет к восполнению полной нормы производительного труда и к его движению. Считается, что иначе поступает только расточитель, изменяющий назначение капитала и действующий с ущербом для содержания производительных рабочих. По логике хозяйственника, экономика любого предприятия должна ограничивать свои расходы своим доходом, поскольку в противном случае он растрчивает свой капитал, обращает доходы на «суетные цели», оплачивает праздность из фонда, предназначенного для содержания трудолюбия.

6) Со временем представления классической политэкономии претерпели некоторые изменения. Получила развитие так называемая новая институциональная экономическая теория. Ее отличие от неоклассической обусловлено отказом от идеализации экономического поведения человека, каким бы тщательно осмысленным и просчитанным оно не было. Выявление того, что базовое состояние людей основывается в значительной степени на ограниченной

рациональности, привело к открытию Р. Коузом существования в экономическом мире затрат, названных «транзакционными издержками» (Coase, 1937, p. 386-405). Они всюду сопровождают человека из-за свойственных его социальной природе погрешностей, обусловленных, например, ограниченностью способностей, неполнотой знаний или элементарной склонностью ошибаться при принятии решений в реальном мире. Эти «издержки носят универсальный характер вследствие свойств индивидов, принимающих решения», и имеют «место вне зависимости от того, в каком секторе экономики функционируют субъекты принятия решений и какой вид деятельности они осуществляют» (Furubotn, Richter, 2005, p. 39). Разработчики классической теории названные несовершенства не игнорировали. Они также идентифицировали и определяли их как влияющие на экономическую систему факторы. Относили к тем двигательным силам, которые призываются на помощь труду и только помогают производству, способному обходиться и без них. В состав этих сил включали, как правило, «качества и способности самого общества», успешность действующих в производстве лиц, их физическую и умственную энергию, уровень развития искусства и качество знания, нравственную надежность рабочего класса (Smith, 1904, p. 65-66). Вместе с тем эти детерминанты не включались в хозяйственный механизм и, как следствие, не оценивались в стоимостном выражении. Оставались для экономической системы своего рода «инородными телами», обременяющими ее функционирование.

Для авторов новой экономической теории стала очевидна «взаимосвязь между несовершенством человеческих субъектов и издержками эксплуатации экономической системы», необходимость оценки этих несовершенств и их включения в состав последней. Наступило понимание, что экономическая организация несет не только производственные, но и учредительные, транзакционные или эксплуатационные расходы (Aggow, 1969, p. 48), включающие в себя, например, издержки на передачу прав собственности, установление контрактных прав между индивидами и юридическими лицами, их защиту, на ведение переговоров, информационное сопровождение, передачу пакетов знаний, оказание консультационных и образовательных услуг. Их поставка не дает материальной продукции, но ведет к обмену данными и способствует осуществлению процесса производства (Miller, Vollmann, 1985).

Как видно, число издержек, представляющих интерес для экономического анализа, существенно расширилось. Это привело к введению учеными «социального действия» как

более широкого понятия и к трактовке экономических трансакций как специфического вида социальных трансакций (Weber, 1968, p. 22). Важно заметить, что в новой теории значительное внимание уделено правовым трансакциям, то есть юридическим аспектам перемещения товаров и санкционированию транспортировки ресурсов (Commons, 1934, p. 58). Затраты в этой области поделены на издержки, которые возникают при установлении, использовании и поддержании: 1) институтов в смысле права (конституционного, гражданского или уголовного законов) и 2) институтов в смысле прав (например, выполнение обязательств, вытекающих из сделки).

К числу издержек стали относить также расходы «на создание, поддержание, использование, изменение и т.д. институтов и организаций», а сами издержки поделили на «переменные» и «постоянные». В состав непрерывных включили затраты по поддержанию государств, отвечающих определенной экономической формации, расходы на внешнюю и внутреннюю безопасность, отправление правосудия и обеспечение минимального уровня образования. Постоянное присутствие последних при производстве продукта привело к пониманию того, что их нужно добавлять к производственным и транспортным издержкам, а наличие этих издержек связывать со специализацией и разделением труда, то есть объяснять сугубо экономической необходимостью. Кроме того, стало очевидно, что для совершения трансакций требуются реальные ресурсы или, как их называли специалисты, «трансакционный капитал»: как основной трансакционный капитал, идущий на организацию государственного устройства, так и оборотный трансакционный капитал, расходующийся на поддержание текущего функционирования политической системы.

Интеграция трансакционных издержек в стандартную неоклассическую модель и их отнесение к положительным тратам привело к выводам о том, что экономика должна производить не только материальный продукт, но и общественное благо. То есть социальные действия, необходимые «для формирования и поддержания институциональных рамок, в которых осуществляется экономическая деятельность. Сюда включаются формальные и неформальные правила, а также механизмы, обеспечивающие их соблюдение», в том числе «трансакции между политиками, бюрократией и группами интересов», «рутинные действия должностных лиц по осуществлению государственной власти в форме принятия судебных решений и издания административных актов». Дополнительно учитывают «ряд издержек, сопряженных с эксплуатацией и корректировкой

институциональных рамок государственного устройства», которые еще называют политическими трансакционными издержками. В сущности, признают авторы новой теории, все эти издержки представляют «собой затраты, сопряженные с “доместикацией силы принуждения”, или реализацией “монополии на организованное насилие”», которые А. Смит называл «обязанностями государя» (Smith, 1776, p. 689, 709, 723). Однако важное отличие институциональной концепции состоит в том, что величину издержек она ставит в зависимость от поведения индивидов и делает упор на создание общественного блага, влияющего на это поведение. В частности, создает условия для уважения частной собственности либо распространения единообразных представлений о справедливости и справедливом разрешении конфликтов, а в целом для преобладания в обществе взаимного доверия. Появление этих благ, корректирующих мотивацию людей, и восприятие трат на их создание как на вложения должны вести к уменьшению тех самых трансакционных издержек, то есть «трений» в обществе, и повышению, в конечном итоге, производительности экономики.

7) Новая экономическая теория, как видно, существенно продвинулась в направлении к правосудию. Здесь она не стала повторять опыт предыдущих экономических взглядов на правосудие, когда его судьба определялась на основе линейной логики. Этот институт либо превращали в рыночное учреждение и средство заработка, либо сразу после осознания недопустимости передачи справедливости в подчинение выгоде выводили его за экономические скобки и оставляли на попечение бюджетных «остатков». Многое скорректировано, хотя далеко не все, что позволило бы констатировать отсутствие внутриэкономических противоречий в отношении к правосудию. Прежде всего нивелированы упомянутые скобки, периодически рукотворно устанавливаемые для оптимизации хозяйственных процессов. Правосудие прямо включено в состав экономического организма, из которого оно ранее исключалось по причине своей производительной бесплодности. В этом плане экономисты поступили с правосудием так же, как ранее ошибочно и незаслуженно с ремесленниками, мануфактуристами и купцами, продолжительное время причисляемыми к непроизводительному классу. Обнаружили, что они во всяком случае ежегодно воспроизводят стоимость своего собственного годового потребления и сохраняют тот капитал, который содержит его и дает им занятие. Их труд безусловно менее производителен, чем труд фермеров и сельскохозяйственных рабочих, однако наукой признано, что большая производительность одного класса

не делает бесплодным и непроизводительным другой класс. Через введение в хозяйственный оборот задачи по производству общественного блага теоретики попытались поспособствовать сближению экономической интерпретации правосудия с его нравственной стороной.

Вместе с тем из продемонстрированного опыта экономической мысли становится очевидным, что положение правосудия в ней продолжает оставаться спорным. В понимании этого института наблюдаются разночтения не только на межотраслевом уровне — юридическом и экономическом, но и на внутриотраслевом (хозяйственном). Правосудие по-прежнему причислено к издержкам и рассматривается исключительно с их позиции. Максимальное достижение новейшей научной мысли состоит в переводе этого института из положения «содержанки» в статус «экономки». Его полезность определяется через отождествление с дополнительным эффектом, благотворно влияющим на социальное сцепление и экономию затрачиваемых на это действие ресурсов.

7.1) Возможно, для подобного отношения к правосудию имеются объективные предпосылки. Прежде всего незначительность и неочевидность производимого им экономического эффекта, позволяющего его обозреть в натуральном виде и измерить в стоимостном выражении, выделить среди прочих экономических показателей и отличить их значение от размера статистической погрешности. Возможно, довлеют давние стереотипы о заведомой убыточности правосудия, когда затраты на раскрытие и расследование преступления, судебное рассмотрение происшествия и исполнение приговора значительно превышают размер ущерба, причиненного по делу о краже и исчисляемого 5–10 тыс. руб. Вместе с тем масштабное расширение свободы и географии торговли, в которые сегодня вовлекаются уже не отдельными странами, а целыми континентами, многократное повышение деловой активности хозяйствующих субъектов, доступность, эффективность и экстерриториальность юридических средств защиты и финансовых услуг дают науке давно искомый оптический фокус, позволяющий как через увеличительное стекло рассмотреть и оценить реальную роль правосудия в экономике.

Примеры из международной судебной практики свидетельствуют, что компетенция современного правосудия не ограничена локализацией рядовых краж и типичных гражданско-правовых деликтов. Оно вышло на уровень транснациональных корпораций, где назначает и взыскивает многомиллиардные штрафы. Известен опыт немецкой судебной системы, рассмотревшей свыше 400 тыс. претензий

автомобилистов к компании Фольксваген и привлекая ее к ответственности в общей сложности на 30 млрд евро. Или практика Европейского суда, который на примере дела против компании Интел продемонстрировал способность и готовность из соображений разумности и защиты конкуренции оценивать законность положения предприятий на рынке и устанавливать факты злоупотребления ими доминирующим положением (Petit Nicolas, 2017, p. 728-750). Не менее познавательные и показательные разбирательства проводит американская юстиция, назначающая не только впечатляющие штрафы, но и определяющая состав и структуру рынков. Известно дело США и 19 их штатов против компании Майкрософт, когда окружной суд признал обоснованными обвинения истцов в нарушении ответчиком антимонопольного законодательства и распорядился о разделении концерна (Economides Nicholas, 2001). Суд признал доказанным наличие у фирмы замысла по уменьшению конкуренции и расширению монопольной власти. Это решение, по убеждению специалистов Бостонского университета, продемонстрировало наличие правильного правового стандарта, уравнивающего выгоды и вред от монополизации (Cass, Hylton, 1999).

Российское правосудие, как может показаться, еще не достигло отмеченных высот. Роль правосудия как экономического инструмента сложно обнаружить на уровне его участия в восстановлении прав собственников в случае преступного завладения их имуществом. Если объем ВВП в России за 2018 г. составил 103 трлн 876 млрд руб., то ущерб от экономических преступлений, восстановлением которого напрямую занимается система правосудия, за этот же период — 403,8 млрд руб. Если иметь ввиду ущерб от всех преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам и материалам об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям), то его размер составил 563 079 021 тыс. руб.¹ Сравнение этих значений дает основания для оправданного скепсиса в отношении к правосудию, касающегося экономики в скромных пределах 0,54% от всего объема ВВП России. Но если подойти к отмеченному расчету более обстоятельно и сравнить ВВП, если можно так выразиться, с валовой суммой исковых требований (ВСИТ), рассмотренных всей системой российского правосудия, в том числе гражданскими и арбитражными судами, то обнаруживается более осязаемое и лицемерное значение последней

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2018 г. // Сборник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ. М., 2019. С. 8.

в экономике. Для точного расчета напомним, что согласно данным Судебного департамента Верховного Суда РФ в 2018 г. арбитражной системой разрешено 1 848 113 дел на сумму требований в 5 трлн 883 млрд 778 млн 380 тыс. руб. Гражданскими судами изучено 23 212 755 дел на сумму в 2 трлн 389 млрд 575 млн 329 тыс. 91 руб. Таким образом, общая сумма, с которой напрямую оперирует судебная система, составляет не менее 8 трлн 836 млрд 432 млн руб., что составляет 8,5% от ВВП. Эта же цифра в сопоставлении с размером федерального бюджета РФ в 15 182 трлн руб. за 2018 г. указывает на то, что доля судебного присутствия и соучастия в экономической деятельности составляет не менее 58,8%. Выявленные значения убедительно показывают, что прежние представления о правосудии носили ограниченный характер. Сложившаяся экономическая обстановка позволила выявить, что в микроэкономическом плане правосудие продолжает выступать средством разрешения хозяйственных споров, а в макроэкономическом — реальным регулятором торгово-финансовых отношений.

Названные цифры указывают не только на заметную роль судебной инстанции в товарообороте страны. Они еще обращают внимание на то, что рост ВВП сопровождается одновременным ростом экономических дел. Если в 2014 г. в систему арбитражных судов поступил 1 млн 528 тыс. исков, то в 2018 г. эта цифра составила уже 2 млн 99 тыс. За 4-х летний период, как видно, рост составил 27,2 %. Поскольку данная категория дел в своей основной массе инициируется и передается на рассмотрение правосудия не по принуждению, а на добровольных началах, то это свидетельствует о сознательном и целенаправленном вовлечении предпринимателями механизмов правосудия в коммерческую деятельность. Так как производство по исследуемым делам отправляется главным образом за счет контрагентов, то это означает, что затраты на него они считают вполне посильными.

Из выявленных значений также следует, что другие процедуры досудебного урегулирования споров, считающиеся менее затратными, существенно уступают классическому виду судопроизводства по востребованности, а правосудие способно выполнять не только посредническую функцию и не только на микрофинансовом уровне. В макроэкономическом плане оно заявляет о себе как об антикризисном механизме, обеспечивающем товарооборотность хозяйственного процесса. В повседневном режиме подтверждает свое генеральное назначение по выведению гражданского оборота из «тромбоопасного» состояния, когда между производителями, поставщиками, посредниками или потребителями возникают конфликты, а движение их

капиталов останавливается и попадает в положение неопределенности, выбывая из обычной экономической жизни. Продемонстрированные цифры не оставляют сомнений, что даже кратковременный «ступор» 8,8 трлн руб., которого позволяет избежать правосудие, фатален для национальной экономики.

7.2) Причины проблемного положения правосудия в экономической теории не исчерпываются лежащими в ее основе стереотипами. Фиксация и раскрытие очередного наблюдения позволяет в этом убедиться. Речь идет о том, что противоречивое отношение экономической мысли к правосудию в отраслевой науке не обозначается, а конфликт интерпретаций в понимании этого института не разрешается. Можно сказать, что она в определенной мере бездействует. К какой бы экономической школе не обращались, везде обнаруживается, что манипуляции с правосудием ограничены научно-познавательными операциями по его включению либо исключению из состава экономической системы. Новый вариант хозяйственного подхода не исключение. Он продолжает оттенять себя от человека. На этот раз уже от «несовершенного» человека, нуждающегося в постоянной корректировке. Следом отгораживается от правосудия, предназначенного для коррекции того самого ограниченного в своей рациональности человека. Дистанцируется от них и позиционирует в качестве непричастного к их жизни субъекта. Ведет себя так, как будто экономика не влияет на человека и не усугубляет его нравы, не развращает их, а только обеспечивает существование. Воспринимает индивида и его пороки в качестве помех, препятствующих экономике достичь совершенных показателей.

Углубление в историю экономической мысли обнаруживает, что отрешенность хозяйственников от проблемного положения правосудия не случайна. И она не обусловлена тем, как может показаться, что вопросы правосудия родом из правоведения и не имеют прямого отношения к экономике. Она якобы не должна заниматься определением этого феномена. Абстрагированность имеет логическое, историческое и психологическое объяснение, которое, правда, скрыто от невооруженного взгляда и пылится на полках далекого прошлого, а сегодня латентно, но ошутимо обозначается и действует в основном на подсознательном уровне. На его высоте ощущается ограничение, не позволяющее экономистам принять и осмыслить правосудие во всей его целостности. Как выясняется, их сдерживает прежний горький опыт. На специалистов влияет страх собственной истории, знающей примеры того, как экономическая практика, взяв шефство над правосудием, извратила его предназначение.

О неприглядном прошлом напоминает А. Смит. На основе анализа истории стран Европы он обнаружил, что почти для каждой из них было не редкостью подчинять систему отправления правосудия целям добывания доходов, образующим по совместительству основную закон экономики. Такое установление привело к множеству различных злоупотреблений и прежде всего к чрезвычайному развращению судебной администрации. В течение долгого времени она была, как проследил ученый, «очень далека от справедливости и беспристрастия даже при лучших монархах и совершенно развращена при худших». «Лицо, обращавшееся к правосудию с большим подарком, получало больше, чем ему полагалось по праву, а лицо, дававшее маленький подарок, получало меньше. Далее, осуществление правосудия часто откладывалось, чтобы подарок был поднесен еще раз. С другой стороны, пеня с лица, на которое приносилась жалоба, часто могла являться сильным соображением в пользу его обвинения, хотя бы в действительности оно было право». Попытки урегулирования размера подарков или, как их еще называли, судебных пошлин не увенчались успехом. Не смогли воспрепятствовать всемогуществу человеческой алчности и выступить действительным средством против «развращенности правосудия, бывшей следствием произвольности и неопределенности этих подарков». В конечном итоге именно выгода, как основное дело экономики, дискредитировала правосудие, привела к пониманию того, что достижение беспристрастности правосудия возможно через закрепление его независимости от выгоды как своего определяющего или сопутствующего стимула. Иными словами, выгода стала оцениваться как несовместимое с правосудием начало и послужила причиной перевода этого института на новые экономические рельсы. После назначения судьям жалования из казны как компенсации за потерю ими дохода от судопроизводства, организаторов судейского сообщества стала заботить не доходная, а только расходная часть правосудия. В свою очередь судьи были освобождены от восприятия дел в качестве способа и источника добычи себе средств на пропитание.

Таким образом, нахождение правосудия в экономической теории в парадоксальном состоянии не случайно. Оно обусловлено, как выяснено, рядом обстоятельств. Прежде всего воздействием лежащих в основе экономического знания негативного опыта познания правосудия и организации его работы на практике. Затем влиянием возникших на ее почве стереотипов и предубеждений. Под весом совокупности этих

факторов наука вывела правосудие из сферы своей компетенции и научно-практической разработки. Отдала тему на откуп главным образом юридической и политической наукам.

Вместе с тем нужно ожидать, что трансформация экономической картины мира изменит отношение научной мысли к правосудию. Это ожидание, однако, не стоит подменять требованием к мысли превзойти саму себя. За долгую историю становления и развития она уже воспроизвела то, что ее выгодно отличает от других мыслей, обеспечивает самобытность и безусловную оригинальность. Иной подход приведет к морализации или к юридизации хозяйственного взгляда, то есть к утрате им, подмене или размытию в нем сугубо отраслевого элемента. Выявленные в экономической идее противоречия составляют достояние, а их борьба обеспечивает ее генезис. Более того, в конкуренции вскрытых интерпретаций нет ничего предосудительного. Она отражает и соответствует бытующему в человеке соперничеству мотивов, определяющих его поведение.

Главное достижение науки состоит в том, что она, несмотря на свой негативный опыт, дала этот самый опыт. Его переосмысление и верификация в современном социально-экономическом контексте дает возможность убедиться в том, что правосудие может быть рассмотрено и должно рассматриваться в качестве экономического предприятия. Во-первых, правосудие, как самостоятельный цех в «пищевой цепочке», не обходится без потребления ресурсов. Во-вторых, оно занимается обеспечением или, если можно так выразиться, «кормлением» других. Отнимает, возвращает или перераспределяет капиталы. Более того, на вопрос о том, что есть правосудие и может ли оно рассматриваться в качестве экономического инструмента, уверенно отвечают представители бизнес-сообщества. Несмотря на затратность судопроизводства, среднегодовой прирост обращающихся в российский арбитраж составляет 7–10%. При разрешении вопроса об обращении в суд они руководствуются все той же коммерческой логикой и интересом извлечения максимальной выгоды, которых придерживаются в повседневной работе по производству, поставке или потреблению товаров и услуг. Стремятся через суд и за счет контрагента либо, как минимум, восстановить свое утраченное материальное положение или, как максимум, его укрепить. В итоге не вызывает сомнения, что апелляция хозяйственного оборота к суду осуществляется как к средству экономического регулирования. Их усилиями правосудие погружается в экономическое пространство, где находится среди хозяйствующих субъектов, используется

ими ради достижения коммерческих успехов и напрямую касается оборота продуктов их деятельности. На счет этого можно в традиционном стиле сказать, что обращение к суду производится как к дополнительному средству обеспечения надежности торговых операций. Но в свете выявленных значений будет верным выражение о правосудии как о высшей и окончательной инстанции в иерархии экономической системы, занимающейся не только компенсированием несовершенства внутри рыночных механизмов по уравниванию амбиций их участников, но и стабилизацией хозяйственной модели в целом. При всей однозначности и убедительности приведенных доводов важно дополнить, что правосудие все же остается нетипичным экономическим институтом. Разрешение хозяйственных споров осуществляется им на неэкономических началах и принципах. Более того, в гносеологическом плане экономическое восприятие правосудия противопоставляет себя правовому. В отличие от юридического взгляда экономический подход к правосудию не возвышает, а приземляет высокопарные рассуждения о нем. Предлагает «спуститься на землю» и найти подтверждение высокому статусу правосудия, например, в составе потребительской корзины. Дает возможность погрузиться в область человеческих нужд и отыскать среди их множества потребность под названием «правосудие». Содействует поиску аргументации, способной убедить пользователей переместить правосудие из числа второстепенных в ряд насущных потребностей. С аксиологической позиции экономический угол обзора позволяет определить то, насколько примитивно потребитель относится к правосудию и использует ли его в праздных целях.

Нетипичность правосудия обусловлена его бытийным статусом, универсальным значением лежащих в его основе канонов для любой и каждой сферы жизнедеятельности человеческого сообщества, расположением в междисциплинарной плоскости. Линейное восприятие этой атипичности как правило ведет к ошибочным выводам о производительной бесплодности правосудия и к оставлению его на обочине экономической науки. Вместе с тем из истории английского судопроизводства известно, что модификация именно экономической парадигмы правосудия превратила его из средства наживы в механизм достижения справедливости и общественного согласия, не отменила внутрицеховой конкуренции судов за вовлечение в свою юрисдикцию большей части дел. На вооружение взяли другие (собственно правовые) ценности. Свою привлекательность обеспечивали за счет оперативности и беспристрастности разрешения дел. Эти же

блага сделали основным продуктом своей деятельности и предметом реализации.

Список литературы

1. Гольбах Поль Анри. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. Х.Н. Момджяна; пер. с фр. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 276.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / сост., комм. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2010. С. 26–27.
3. Колесников В.В. Экономическая теория права: экономический анализ правовых феноменов: учебное пособие / В.В. Колесников. СПб.: СПб. юрид. ин-т (ф-л) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2017. С. 4.
4. Смит А. Теория нравственных чувств / Вступ. ст. Б.В. Мееровского; подгот. текста, коммент. А.Ф. Грязнова. М.: Республика, 1997. С. 320.
5. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2018 г. // Сборник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ. М., 2019. С. 8.
6. Толстой Л.Н. Путь жизни. СПб., 1910. С. 4.
7. Arrow K.J. The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-Market Allocation. The Analysis and Evaluation of Public Expenditures: The PBB-System, Joint Economic Committee, 91st Cong., 1st sess. Vol. 1. Washington, D.C.: Government Printing Office. 1969.
8. Cass R.A., Hylton K.N. Preserving Competition: Economic Analysis, Legal Standards and Microsoft. *George Mason Law Review*. Vol. 8. No. 1. 1999. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=202738>.
9. Coase R.H. The Nature of the Firm. *Economica* (new series). Vol. 4. Issue 16. 1937. P. 386-405. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1506378>.
10. Commons J.R. *Institutional Economics*. Madison: University of Wisconsin Press. 1934.
11. Economides Nicholas. The Microsoft Antitrust Case (April 2, 2001). NYU Ctr for Law and Business Research Paper No. 01-003. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=253083>.
12. Eirik Furubotn, Rudolf Richter. *Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics (Economics, Cognition, and Society)*. Michigan: University of Michigan Press. 2005.
13. James Tyrrell. *The General History of England*. London. 1770.
14. John Stuart Mill. *On liberty*. 3rd ed. London: Green, Longman, Roberts & Green. 1864.
15. John Stuart Mill. *Principles of political economy with some of their applications to social philosophy*. London: Longmans, Green, Reader and Dyer. 1878.
16. Miller J.G., Vollmann T.E. The Hidden Factory. *Harvard Business Review* 55. No. 5. 1985. P. 142-150.
17. Petit Nicolas. The Judgment of the EU Court of Justice in Intel and the Rule of Reason in Abuse of Dominance Cases (December 12, 2017). *European Law Review*, 2018. Vol. 43. No 5. P. 728-750. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3086402>.

18. Smith Adam. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London: Methuen & co. 1904.
19. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations [1776]. General editors R.H. Campbell and A.S. Skinner, textual editor W.B. Todd. Oxford: Clarendon Press. 1976.
20. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. Edited by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press. 1968.

Paradoxes of Economic Theory in the Perception of Justice

Bochkarev Sergey,

Candidate of Legal Sciences, Research Fellow
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Abstract. *The article considers the economic theory at the main stages of its formation in relation to the phenomenon of justice. A variant of the topic disclosure is implemented through: a) distancing from existing and widespread practices of its knowledge; b) using the experience of these practices as a source and empirical material for diagnosing points of contact and discrepancies between the economic and legal approaches to justice, existing trends and distortions in economic and legal thought; c) extracting the desired understanding of what the “justice economy” is through analyzing and solving the problems of the research process devoted to it.*

Following this methodological course, we found that justice in economic theory is in a paradoxical state. And this state is not accidental. It is caused, as it was found out, by a number of circumstances. First of all, the impact of the negative experience of the knowledge of justice and the organization of its work in practice that underlies economic knowledge. Then the influence of stereotypes and biases that arose on its basis. Under the weight of a combination of these factors, science has removed justice from its sphere of competence and scientific and practical development.

At the same time, the study found that the contradictions identified in the economic idea are the property, and their struggle provides its Genesis. The main achievement of science is that it, despite its negative experience, gave this very experience. Its reinterpretation and verification in the modern socio-economic context makes it possible to make sure that justice can and should be considered as an economic enterprise.

Key words: *economy, justice, Economics of justice, economic theory, law, jurisprudence, the cost of justice, gross domestic product, gross amount of claims, expenses, income.*

References

1. Arrow K.J. The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-Market Allocation. The Analysis and Evaluation of Public Expenditures: The PBB-System, Joint Economic Committee, 91st Cong., 1st sess. Vol. 1. Washington, D.C.: Government Printing Office. 1969.
2. Cass R.A., Hylton K.N. Preserving Competition: Economic Analysis, Legal Standards and Microsoft. George Mason Law Review, Vol. 8. No. 1. 1999. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=202738>.
3. Coase R.H. The Nature of the Firm. *Economica* (new series), Vol. 4. Issue 16. 1937. P. 386-405. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1506378>.
4. Commons J.R. Institutional Economics. Madison: University of Wisconsin Press. 1934.
5. Dostoyevsky F.M. Diary of the writer / sost., comments by A.V. Belov; Ed. O.A. Platonov. Moscow, 2010. P. 26-27. (In Russ.).
6. Economides Nicholas. The Microsoft Antitrust Case (April 2, 2001). NYU Ctr for Law and Business Research Paper No. 01-003. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=253083>.
7. Eirik Furubotn, Rudolf Richter. Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics (Economics, Cognition, and Society). Michigan: University of Michigan Press. 2005.
8. Golbakh Paul Anpu. Selected works in two volumes. Vol. 2 / Under commonly. Ed. X.N. Momjyan. Lane Fr. Moscow: Sociexgiz, 1963. P. 276. (In Russ.).
9. James Tyrrell. The General History of England. London. 1770.
10. John Stuart Mill. On liberty. 3rd ed. London: Green, Longman, Roberts & Green. 1864.
11. John Stuart Mill. Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. London: Longmans, Green, Reader and Dyer. 1878.

12. Kolesnikov V.V. The economic theory is right: economic analysis of legal phenomena: manual / V.V. Kolesnikov. Saint Petersburg: SPb. in-t (branch) of the Academician. General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2017. P. 4. (In Russ.).
13. Miller J.G., Vollmann T.E. The Hidden Factory. Harvard Business Review 55. No. 5. 1985. P. 142-150.
14. Petit Nicolas. The Judgment of the EU Court of Justice in Intel and the Rule of Reason in Abuse of Dominance Cases (December 12, 2017). European Law Review. 2018 Vol. 43. No 5. P. 728-750. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3086402>.
15. Smith Adam. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London: Methuen & co. 1904.
16. Smith A. Theory of Moral Feelings / Enter. Art. B.V. Meerovsky; text, comment. A.F. Glodnova. Moscow: Republic, 1997. P. 320. (In Russ.).
17. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations [1776]. General editors R.H. Campbell and A.S. Skinner, textual editor W.B. Todd. Oxford: Clarendon Press. 1976.
18. State of Crime in Russia for January – December 2018 // Collection of the General Directorate of Legal Statistics and Information Technologies of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow, 2019. P. 8. (In Russ.).
19. Tolstoy L.N. The Way of Life. Saint Petersburg, 1910. P. 4. (In Russ.).
20. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. Edited by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press. 1968.

